

РОССИЯ В ПОИСКАХ УТРАЧЕННОГО ВРЕМЕНИ

Вел. выставка 2004 7 июня - 6

В эпоху Екатерины Великой окно в Европу, уже прорубленное Петром Первым, расширилось настолько, что через него можно было порой просто перешагнуть – чтобы попасть в шумную, живописную и гостеприимную колыбель искусств Италии. Как посчастливилось сыну отставного солдата, талантливому выпускнику петербургской Академии художеств Федору Алексею (1753/54–1824). Интереснейшая (и впервые – столь масштабная) выставка его работ открыта в Третьяковской галерее в Лаврушинском.

Обласканный Фортуной, юный простолоудин был, видно, нрава крутого и упрямого. Прибыв на учение в Венецию, повздорил с учителем – и не с каким-нибудь там простоватым мазилкою, а с родовитым маркизом, который не замедлил ответить о нем в Петербург отрицательный отзыв. В ответ Федор Алексеев наплевал на все и отправился из Венеции в Болонью – там ему нравилось больше. Но стараниями маркиза его вернули обратно... Зато немецкий педагог встал на его защиту, рекомендовав заниматься станковой живописью, «к которой у одного пансионера явная склонность». Однако мстительный итальянский аристократ напакостил по полной программе, и из-за плохих отзывов уведомления о продлении сроков «итальянского пансионата» из Санкт-Петербурга не поступило. Пришлось возвращаться в империю.

Опала, вызванная нелюбезным диагнозом сановитого заграничного «дотторе», впрочем,

продолжалась недолго: уже в 1779 году Алексеев назначен «живописцем при Театральном училище в Дирекции императорских театров». Неплохо для человека, всем обязанного лишь своему таланту! Работает он и в Эрмитаже по поручению самой императрицы – делает уменьшенные копии итальянских мастеров, за что быстро получает прозвище «русского Каналетто». И тем не менее...

И тем не менее выросший солдатский сын так же упрям и крут. Карьера театрального художника не удовлетворяет его. Что же ему нужно? Городские пейзажи, запечатлевающие с документальной точностью строения, крепостные стены, большие вечерние фонари и даже крохотные жанровые сценки на улицах и площадях – вот чему он научился у великих европейцев! Именно ему, Федору Алек-

В ИНЖЕНЕРНОМ КОРПУСЕ ТРЕТЬЯКОВКИ – ВЫСТАВКА ФЕДОРА АЛЕКСЕЕВА

сееву, была уготована честь стать родоначальником русской школы городского пейзажа, в котором он достиг совершенства. Убедиться в этом могут нынешние посетители Инженерного корпуса Третьяковки.

Знаменитые виды Петербурга, многократно виденные и на почтовых открытках, и в пышных альбомах, впервые залечталел в красках именно этот человек, «художник венецианской школы

Ф. Алексеев. Вид Москвы. Воспитательный дом. 1800-е

Ф. Алексеев и ученики. Вид Страстной площади с Триумфальными воротами. 1800-е

великого Каналетто» и замечательный русский живописец. Холодный город в теплых итальянских тонах – совсем не в привычных традициях Пушкина, Блока, Белого и Александра Бенуа!

Он был из тех, чья творческая активность при Александре Первом еще возросла. В 1801–1802 годах он с двумя учениками командирован в Москву и привозит в Северную столицу «Портфель 189» – серию московских видов. Сегодня это настоящие диковинки. При одном взгляде на них сразу можно сказать, что художник связан с итальянской, более того – с венецианской живописью. Именно Венецию напоминают у него московские виды, именно на венецианские разноцветные и ветшающие день ото дня дворцы кажутся такими похожими старые московские барские дома, исполненные в теплых розоватых, голубоватых, песочных тонах, и узенькие, уютные, полные жизни улицы. Особое очарование придают небольшим работам многочисленных бытовых сценки. Вот фонарщик поднимается по прислоненной к крепостной стене лесенке, чтобы укрепить пошат-

нувшийся тяжелый фонарь; радом благообразная пожилая пара, солидную поступь которой нарушает рвущаяся с ошейника болонка; группа изящно одетых денди оживленно обсуждают что-то на самом солнцепеке – а центр площади охвачен таким сильным порывом ветра, что лошадь резко встала на дыбы под стремительно скакавшим куда-то всадником, так что ему приходится характерным жестом схватиться за треуголку – ее едва не снесло...

Эти картинки можно рассматривать, как читать бытописательский роман. Любопытный штрих, который поневоле отмечаешь: там, где работы подписаны «Алексеевым и его школой», людей нет. Это ученические, ремесленные работы, простое копирование видов – тоже великолепно, но лишенное неподдельной живости. Зато взгляд самого Алексеева так жив и быстр, что с ним не заскучаешь. Это Россия романтическая и живописная, и это утраченная Москва давно ушедших дней, запечатленная рукой равнодушной и мастерской.

Дмитрий САВОСИН